

О ГЛИНКЕ Н. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГЛИНКА Николай Михайлович, родился в 1882. С 1920 — служил священником в церквях Нежинского округа. арестован в селе Ядловка и заключен в тюрьму. 27 декабря 1928 — арестован, 11 января 1929 — переведен в Киевскую тюрьму.

В августе 1929 — к Е. П. Пешковой за помощью обратилась его жена, Ксения Глинка.

<29 августа 1929>

«Пятница, 29/VIII-1929 г<ода>.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите за беспокойствие, не сочтите за дерзость мою смелость просить Вас помочь мне в моем горе.

Мой муж Николай Михайлович Глинка, 47 лет, священник с 1920 г<ода>, служил в селах все эти восемь лет. Рожден он с глубокой музыкальной душой, но родители по бедности не дали ему надлежащего образования, даже и среднего полного. И вот он пошел не по своей дороге, скитаясь по разным канцелярским службам, и все же продолжал самообразование по общему образованию, а главное, музыке и пению, но, конечно, ничего не добился, ибо не имел средств для этого. Всю свою душу посвятив пению, он окончил регентские одесские курсы и всю остальную жизнь был регентом церковного хора. В 1919 году приехал в Чернигов к брату погостить; познакомился со мной (тоже таким же неудачником в жизни), и вот, несмотря на разницу в годах (15 л<ет> он старше меня) мы поженились. Главная цель моего замужества была такова. Он играет на скрипке (что я люблю больше жизни), политикой не занимается, как и я. Мы не храбрые люди родились, а музыканты, но погибла жизнь из-за недостатков материальных. И вот ровно чрез полгода после свадьбы муж заболел сыпным тифом, и все и как любили науку и музыку, но увы, не напали на людей, ценящих добрых детей. И мы не живем, а мучаемся, завидуя каждому ученому человеку. Слушая ученого умные речи, голова кружится от восторга, а сердце сжимается от горя за себя и многих таковых. Да, плохо, что мы родились не теперь, мы бы теперь получили все то от науки, к чему душа стремилась. Мне всего 32 года, а как я страдаю за потерянным временем. Я ведь всего окончила четырехклассное городское училище, а как просила всех принять меня на казенный счет в гимназию, но где там. Все обещали, аж пока не началась война в 1914 году, а тогда мне уже исполнилось 16 лет, и вот вместо учения меня послали на службу во врачебный отдел Черниговского Губернского Правления, все же обещая скоро послать учиться; и вот я пошла служить в канцелярию, радея, что буду близка <к> медицине, ибо я мечтала быть сердечным врачом и так мечтаю и сегодня, дорогая Екатерина Павловна. Я дитя честного селянина-пахаря. Нас восемь душ детей. Мать и отец боготворят науку, и вот как они ни старались, но старшие брат и сестра остались дома пахать. Я, как Вам уже известно, от одного берега отплыла и до другого не доплыла; младшие теперь во время революции получают полное образование, уже на последних курсах.

За что я благодарна, что главный допрский <врач> говорит, что полное сердечное перерождение. Уже четвертая неделя, как пухнут ноги. Сердце сильно болит и еле-еле, с большими перебоями, бьется. Следователь ОГПУ т<оварищ> Бегичев распорядился, чтобы его комиссия осмотрела и вот 13 августа мне выдали выписку из акта Медкомиссии при Центральной больнице Допра о том, что муж мой, Николай Михайлович

Глинка, 48 лет, страдает декомпенсированным миокардитом и подлежит полному освобождению из заключения по Артикулу 387!! Я подала эту выписку 14 августа 1929 г<ода> прокурору по надзору за делами Киевского ОГПУ с просьбой письменной об освобождении мужа, ибо опухоль, не сходящая и отек ног при сердечной болезни, это признак угрожающий смертью. Прокурор Бенедиктов говорил, что не может освободить, ибо дело числится за особым Украинским Совецанием в Харькове, куда он и послал выписку с моим заявлением 14 августа 1929 г<ода> за № 9957 (как мне сказал секретарь). До сих пор мужа не освобождают, и вот вообразите мой ужас и горе, сознавая его опасное пребывание в дальнейшем в камере, и я бессильна ему помочь. Что и заставило беспокоить Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, помогите моему горю, и я век буду благодарить Вас за оказанное одолжение. Я молю Вас, как честного сердечного человека, помогите мне спасти мужа, чтобы он не задохнулся в камере. Ведь он, клянусь Вам жизнью своей и жизнью своих честных родителей, никогда не был против власти, а пострадал из-за личных счетов, прошу Вас, как утопающий о спасении, ибо я малообразованный человек, не могу ничем помочь своему мужу. Я сознаю это вполне, я не знаю способов для его освобождения. Я никогда не была в таких делах, и это горе меня окончательно убило... Я больше не могу, я так страдаю, что боюсь за себя. У меня страдания еще небывалые в моей жизни, и так подкосили мое здоровье. А ведь мне, бедной, всего 32 года. А больному жить, да еще и одинокому. О нет! Уж только не это. Неужели судьба бывает так жестока к людям. Да, в отношении мужа жесточе не может быть. У него век его короток, хоть его и скоро освободят, то он долго не проживет. Я имею практику по службе в мед<ицинском> отделе, то у него все признаки близкой смерти. О! Доля злая, зачем ты меня оставляешь круглой сиротой. Помогите, ради человечества, хоть живым его домой перевезти.

С<ело> Ядловка Нежинского округа. Да и то, разве мой дом. Нет, у меня ни дома, ничего (ни здоровья, ни средств, ни образования).

Уважающая искренне Вас Ксения Глинка»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 308. С. 105-108. Автограф.